

К ВОПРОСУ О НОМЕНКЛАТУРЕ И КЛАССИФИКАЦИИ КАТЕГОРИЙ ЭСТЕТИКИ

(критико-методологический анализ)

Я.И. Хачикян,
*Главный специалист
Института философии,
социологии и права НАН РА
доктор философских наук,
профессор*

Категориями именуются, как об этом сказано в “Философском словаре”, “общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные связи и отношения действительности и познания”, воспроизводящие “свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме”¹. В качестве термина они первоначально были введены в научный обиход в Древней Греции как понятия философии и, в частности, логики². В дальнейшем, в связи с развитием научного знания и под влиянием философии, системы категорий складываются в пределах каждой отдельно взятой науки, характеризуясь теми же признаками общности и всеобщности, что и философские категории, но, разумеется, лишь в рамках их специфического объекта познания. Ныне каждая из областей научного знания располагает своим, входящим в ее понятийно-терминологический арсенал, категориальным аппаратом, с помощью которого она теоретически конструирует и толкует подлежащую ее рассмотрению сферу бытия и познания. Эстетика как наука не составляет исключения из этого глобального процесса и также имеет в своем распоряжении соответствующие ее специфике категории, первые из кото-

¹ “Философский энциклопедический словарь”, 2-ое издание. М., “Советская энциклопедия”, 1989, с. 254. (В пятитомной “Философской энциклопедии” категории определяются лаконично как “основные и наиболее общие понятия наук, особенно логики” // “Философская энциклопедия”, т. 2, М., “Советская энциклопедия”, 1962, с. 472).

² См. трактат Аристотеля “Категории” // сочинения в четырех томах, т. 2, М., “Мысль”, 1978, с. 51-90.

рых нашли свое определение и толкование еще в античности (Платон, особенно Аристотель¹ и др.). Но, несмотря на столь раннее обращение к рассмотрению эстетических категорий и активную разработку проблемы в мировой эстетической литературе, их статус, как справедливо отмечала в 1977 году Т.Савилова, изучен недостаточно².

В сравнении с другими науками, даже родственными ей (литературоведение, искусствоведение и др.), "категорийное хозяйство" эстетики и ныне находится в малоутешительном состоянии по всем трем внутренне связанным основным позициям: она не располагает пока 1) всеобщее принятой целостной номенклатурой категорий, 2) точными их определениями и 3) логически обоснованной их систематизацией и классификацией.

Признаюсь, я до сих пор не могу уяснить причину подобного состояния. Некоторые авторы пытаются объяснить это молодостью самой науки. Известно, что эстетика как самостоятельная наука была провозглашена в 1750 году немецким философом А.Баумгартеном (который на правах крестного отца дал ей нынешнее название). Но перед нами пример еще более молодой науки социологии, основанной в 1830 году французским философом О.Контом (который также в качестве крестного отца дал ей название социология), и располагающей в основном устоявшимся и однозначно используемым категориальным аппаратом, со всеми вытекающими из этого положительными результатами. В скобках отметим, что ссылка на молодость эстетики весьма относительна, ибо до получения собственного названия, она, подобно некоторым другим наукам, существовала и развивалась под эгидой разных областей знания от философии до теологии включительно, что не мешало им накапливать и уточнять свой категориальный аппарат. Столь же неубедительна, видимо, и ссылка на связь эстетики с общественной жизнью: бесспорно, обладая упомянутым признаком, она явно уступает в этом отношении той же социологии. И уж, конечно же, было бы смехотворным отно-

¹ См. Аристотель "Поэтика" // сочинения в четырех томах, том 4, М., "Мысль", 1984, с. 645-680.

² См. Т.А.Савилова. Эстетические категории. Опыт классификации. Киев-Одесса, 1977, с. 14.

силье сложившееся положение на счет особой несговорчивости эстетиков. Как видим, вопрос остается открытым и исследователям категорий эстетики предстоит найти ответ на него.

Обратимся ныне к более подробному рассмотрению отмеченных выше трех позиций.

1. О номенклатуре категорий эстетики

О ее важности для науки говорят авторы оригинальной и содержательной монографии "История эстетических категорий" А.Ф.Лосев и В.П.Шестаков, весьма лаконично утверждая, что крайней необходимостью является уяснение категорий, без чего невозможна эстетика как наука. Без такого категориального критерия не будет возможности определять, что в истории эстетики было существенно, а что нет, и получится не научная история эстетики, "а случайный, эклектический конгломерат фактов, бессмысленный набор ничем не связанных событий, имен, фактов и мнений"¹.

В то же время они подчеркивают сложность этого вопроса: "уже одно перечисление таких категорий, – пишут они, – может быть результатом только весьма длительного исследования"². В этой связи мы хотели бы привести два положения из их книги, которые представляются весьма продуктивными в исследовании категорий эстетики.

Первое из них относится к генезису категорий. Исходя из проведенного ими анализа истории 12 категорий, авторы книги восстанавливают процесс их становления, приходя к следующему обобщению: категории эстетики "вырабатывались из понятий, первоначально относящихся непосредственно к конкретным явлениям или чувственным представлениям и обозначавших самые реальные вещи предметного мира", ничего "понятийного" или категориального первоначально в себе не содержа. В дальнейшем, с развитием общественной практики и дифференциацией эстетического сознания, эти термины утрачивают свое первоначальное

¹ А.Ф.Лосев, В.П.Шестаков. История эстетических категорий. М., "Искусство", 1965, с. 8.

² Там же.

чальное чувственно предметное значение и, пройдя через стадию полученного в начале переносного смысла, превращаются в процессе стирания метафорического оттенка в универсальную эстетическую категорию, "посредством которой обозначают либо сущность искусства, либо сущность эстетического восприятия, либо функциональное назначение определенных форм искусства и т.д."¹.

Второе положение относится к исторической динамике уже сложившихся категорий. Приведем этот абзац полностью.

"Категории эстетики, — пишут уважаемые авторы, — как те, которыми мы сейчас пользуемся, так и те, которые уже выпали из современного языка науки, не являются чем-то застывшим, неизменным. Напротив, их значение в различные исторические эпохи существенно меняется, причем одна и та же категория может обладать совершенно различным содержанием и в зависимости от той или иной системы эстетических и художественных представлений обозначать совершенно различные явления действительности и их оценку..."² К примеру, в эстетических учениях нового времени происходит дальнейшее развитие уже созданных категорий, их дифференциация и усложнение³, вследствие чего современное эстетическое познание, как продукт новых исторических условий, уже не может адекватным образом понимать исторически прошедшие формы искусства так, как понимали современники их создания⁴. Из этого следует вывод, что сегодня автор, обращающийся к теоретическому (а не историческому) анализу эстетических категорий, должен исходить из их современного толкования, соответствующего современному эстетическому восприятию. Сказанное относится прежде всего к числу эстетических категорий.

Отсутствие единого, всеми принимаемого определения понятия "категории эстетики" привело к тому, что подлинное их число по сей день так и не устоялось. Чаще всего в научном обиходе, что нашло отражение в трудах теоретиков эстетики, а от

¹ Там же, с. 370-371.

² Там же, с. 371.

³ См. там же, с. 11.

⁴ Там же, с. 371.

них и в большинство учебников и учебных пособий и программ вузовских курсов по эстетике, упоминаются четыре категории: прекрасное, возвышенное, трагическое и комическое, которые в качестве своеобразного клише многократно преподносятся под одним и тем же названием “наиболее общие (или основные) категории эстетики”.

Если даже и можно поспорить о числе основных типов категорий эстетики или их конкретном перечне, бесспорно то, что этих категорий, во-первых, не четыре, а значительно больше, во-вторых, многие из них столь же фундаментальны, как и постоянно упоминаемый квартет. Разве можно забывать такие понятия, как эстетическое, искусство, вкус, идеал, мера, аксиологические понятия психологии искусства и т.д., и т.п., которые могут считаться основными категориями эстетики. Как видим, сведение широкого категориального аппарата эстетики к весьма ограниченному числу ошибочно фактически, вследствие чего, полагаем, неправомерно применять понятие основных категорий эстетики лишь к одному их типу и тем самым *volens-nolens* оставляя все другие эстетические понятия за пределами категорий или относя их к разряду неосновных, второстепенных, хотя наличие последних также неоспоримо.

Помимо того, что названные четыре категории, выражаемые порой в разных сочетаниях, не исчерпывают собой их номенклатуру, они обычно рассматриваются как одноуровневые, что является по существу неверным. Обративший на это внимание В.К.Скатерщиков справедливо отмечал, что это на самом деле не так. “Прекрасное, — писал он, — имеет природные основы, характеризует явления и естественной и социальной действительности...”, что касается таких категорий как возвышенное, трагическое или комическое, то у них “нет природных основ, оценочный их аспект выражен особенно отчетливо именно в социальном плане (так же как целиком социально их объективное содержание...)”¹. Неудивительно, что и этот стереотипный подход преподносится порой с разночтениями. Так, в “Программе курса “Эстетическое воспитание” (В.Ш., 1976) отсутствует кате-

¹ В.К.Скатерщиков. К разработке эстетических категорий /// “Философские науки”, 1974, N3, с. 55-56.

гория возвышенного. Программа по основам эстетики для семинаров и изучающих по индивидуальным планам в качестве пятой основной эстетической категории называет безобразное. В программе курса эстетики для вузов также упоминается безобразное, но в сопоставлении с прекрасным. Наконец, в программе основ этики и эстетики для педагогических институтов безобразное дается как антипод прекрасного, низменное как антипод возвышенного, комическое как антипод трагического.

Словацкий эстетик Еуген Шимунок в своей книге "Эстетика и всеобщая теория искусств" в главе "Эстетические категории" расширяет их список до пятнадцати (прекрасное, возвышенное, героическое, трагическое, величественное, патетическое, элегическое, безобразное, низкое, гротескное, бурлескное, комическое, юмористическое, идиллическое, изящное). Однако похвальное стремление автора отойти от ставшей ритуальной цифры четырех категорий реализуется не наилучшим образом. Категории преподносятся скопом, без подразделения на группы. Так, рядом с комическим перечисляются его ипостаси — гротескное, бурлескное, юмористическое, которые едва ли могут претендовать на самостоятельность¹. Так же смазаны границы и между другими упоминаемыми категориями.

Автор заявляет, что несколько эстетических категорий, о которых он говорит, представляют собой некий костяк их системы и что в действительности их значительно больше и они могут подразделяться в различных аспектах. Но к сожалению, он сам не осуществляет эту задачу. В связи со сказанным обращает на себя внимание критическое замечание Е.Шимунка в адрес известного польского эстетика Романа Ингардена, который, по свидетельству его словацкого коллеги, приводит значительно больше категорий (в пересказе Шимунка приводятся лишь первые 37), деля их, в зависимости от эстетически ценных материальных моментов, по качеству, воздействию и эффективности, по новизне, вариациям, естественности, самобытности, близости к действительности (правдивости) и т.п., в результате чего у него получилось великое множество различных категорий. Бросается в глаза некая произ-

¹ См. Еуген Шимунок. Эстетика и всеобщая теория искусств, М., "Прогресс", 1980, с. 66-77.

вольность и хаотичность критериев категорий, следствием чего в разряд категорий попадают такие понятия как приятное, серьезное, остроумное, интересное, банальное, глупое, плоское, пропорциональное, тупое, модное и т.д., которые даже с натяжкой не могут рассматриваться как категории эстетики. Однако критика Ингардена со стороны Е.Шимуека относится не к этим явным промахам концепции Р.Ингардена, то есть не к существенным сторонам, а лишь к их количеству. "При таком широком взгляде эстетическим категориям нет конца"¹, — справедливо восклицает он, не замечая при этом, что Р.Ингарден по существу делает то же, что и он сам и лишь оперирует бо́льшим числом "категорий". Таким образом, положительно относясь к намерениям Р.Ингардена и Е.Шимуека выйти за рамки традиционно упоминаемых четырех категорий, следует подчеркнуть, что они даже не приблизились к уточнению номенклатуры эстетических категорий и тем более к их классификации — этой крайне важной для эстетической науки проблеме.

Особую позицию по отношению к эстетическим категориям занимает итальянский философ и эстетик Бенедетто Кроче, который с нигилистических позиций отрицал их какое-либо, в том числе и познавательно-содержательное, значение и, исходя из этого, считал, что они должны быть изгнаны из эстетики. Ориентируясь уже не на идущие из античности четыре категории, а на их огромный список, "с легкостью необыкновенной в мыслях" предлагаемый его современниками, он писал: "Перечисление их (т.е. эстетических категорий. — Я.Х.) длительно, даже невыполнимо. Трагическое, комическое, возвышенное, патетическое, трогательное, печальное, смешное, меланхолическое, трагикомическое, юмористическое, величественное, преисполненное достоинства, серьезное, важное, импонирующее, благородное, приличное, грациозное, привлекательное, пленительное, кокетливое, идиллическое, элегическое, веселое, насильственное, наивное, жестокое, постыдное, ужасное, отвратительное, страшное, тошнотворное..."² Прервав перечисление, он риторически, с па-

¹ Там же, с. 76.

² Б.Кроче. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика, ч. 1, М., 1920, с. 99.

фосом и не без сарказма предлагает тем, кто знает больше, указать еще и другие¹. Принципиальная ошибка итальянского эстетика (которую допускали также и Е.Шимунек, Р.Ингарден и др.) состоит в том, что, как справедливо указывает Н.И.Крюковский, “Б.Кроче подменяет здесь категории, как всеобщие и существенные определения мысли, отражающие столь же всеобщие и существенные области и состояния действительности, обычными понятиями и даже словами обыденного языка, хотя уже Аристотель понимал сходство и различие между словами и категориями” и “трактовал категории как очень широкие и объемные классы более узких понятий – слов”².

(Сразу же отметим, что, несмотря на все обаяние и влияние Б.Кроче, представители мировой эстетической мысли разных направлений не приняли его нигилистическую точку зрения и продолжали искать путь решения нелегких проблем, связанных с эстетическими категориями, как вполне определенными реалиями, которые никакими волевыми усилиями и декларативными заявлениями изгнать из эстетики невозможно.)

Из сказанного выше можно сделать вывод, что все разговоры и суждения об эстетических категориях будут в определенном смысле беспочвенными, пока не будет установлена относительно полная и, главное, точная, не вызывающая возражений и однозначно воспринимаемая их номенклатура. А путь к этому лежит через логически выверенные определения эстетических категорий, начиная с мегакатегории *эстетическое*.

¹ См. там же.

² Н.И.Крюковский. Основные эстетические категории. Опыт систематизации. Изд-во ЕГУ, Минск, 1974, с. 177.